

ТИПЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЛН (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ РАННЕГО МОДЕРНА)*

В. В. Цыганков

Исследование посвящено изучению революционных волн – комплексного процесса, который объединяет последовательность из нескольких революций. Автором проведены анализ и уточнение критериев для выделения отдельных видов волн в истории стран Европы, России и Турции в период раннего Нового времени. В тексте предложены следующие виды зависимости между революциями: эндо/экзоструктурная, идейная, организационная и «домино-зависимость». Основные виды связей между революциями применительно к рассматриваемому периоду объяснены с использованием концепции абсолютных монархий (применяемой как в рамках теории формаций, так и в рамках теории эволюции режимов), модели военной революции (в рамках теории модернизации) и модели «ядро – периферия» (в рамках миросистемного анализа). Исходя из предложенного объяснения, в европейской истории XVI–XVIII вв. было выделено четыре длинных волны структурно зависимых революций и около десятка коротких волн, в которых выполняется «домино-динамика».

Революции, восстания, иная протестная активность насильственного характера сотрясали и продолжают сотрясать те или иные государства ойкумены. Поэтому закономерности утраты социально-политической стабильности продолжают находиться в центре внимания обществоведов. Немало сторонников к настоящему моменту имеет концепция «революционных волн» – одна из версий объяснения причин утраты стабильности в государстве или его части. Главное в представлении о «революционной волне» – рассмотрение внешних причин революции, причем таких, которые связаны с

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

революциями в других обществах. В пределе – имеется в виду «домино-динамика», когда одна революция подталкивает другую.

Данная работа выполнена в рамках общего проекта «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XX вв.: макросоциологический и социально-философский анализ» (научный руководитель – профессор Н. С. Розов, участники – кандидаты наук С. И. Филиппов, В. В. Цыганков, Ю. А. Пустовойт).

По предварительной версии участников проекта, революционные волны – серии переворотов социально-политического характера, между которыми существует идейная связь, либо у них общая экзо/эндоструктурная причина, либо они так воздействуют друг на друга внутри отдельной серии, что можно говорить о выполнении «домино-динамики».

Общие идеи и лозунги создают другой вид зависимости, назовем ее здесь идейной зависимостью, которая подразумевает не только заимствование идеологических конструкций, но и общие организационные методы их распространения.

Общие причины для революций условно названы «структурной зависимостью», которая подразумевает различные макросоциологические сдвиги модернизационного, миросистемного, популяционного и т. п. характера.

«**Домино-динамика**» предполагает прямое воздействие одной революции на другую. Здесь имеется в виду, что общество-реципиент революции является пространственным соседом общества-донора, а сами события должны соседствовать хронологически (от трех до полутора лет в зависимости от условий эпохи). Кроме того, должна быть доказанная диффузия организационных образцов (вместе с акторами-переносчиками). Помимо этого, провоцирующая (или защитная) реакция реципиента, как правило, не фиксируется, если революция неуспешна (то есть если революционный режим не демонстрирует жизнеспособности).

На базе исследований Дж. Голдстоуна (2006) и С. Циреля (2011), а также совместных обсуждений Н. С. Розов выделяет 27 революционных волн, демонстрирующих все три вида причинности:

1514–1555 гг. – антифеодальные бюргерские мятежи и войны (первая Реформация, Венгрия, Словения, Испания, Виттенберг, Швейцария, Фландрия, Богемия);

1566–1609 гг. – первая Кальвинистская реформация (вторая Реформация, Франция, Нидерланды);

1595–1608 гг. – евразийские крестьянские войны (Османская империя, Московия);

1618–1630 гг. – вторая Кальвинистская реформация (пересекается с Тридцатилетней войной, Франция, Швейцария);

1648–1650 гг. – славянские бунты (Украина, Польша, Московия);

1703–1709 гг. – антиимперские восточнославянские восстания (Венгрия, Россия);

1776–1794 гг. – атлантические революции, движимые антимоноархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция);

1810–1813(15) гг. – освободительная война в Латинской Америке;

1821–1831 гг. – Греческая война за независимость (Греция, Молдавия, Крит);

1830–1831 гг. – малая волна революций и восстаний в Европе;

1848–1849 гг. – европейские революции, движимые либерализмом («Европейская весна»);

1861–1878 гг. – американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба);

1875–1878 гг. – Балканский кризис (Босния, Герцеговина, Болгария, Фессалия, Крит);

1905–1911 гг. – первая красная волна, начавшаяся с Русской революции 1905 г.;

1917–1920 гг. – вторая красная волна (после Первой мировой войны);

1926–1945 гг. – фашистские перевороты и антифашистские движения (Португалия, Испания, Югославия, Франция);

1930–1940 гг. – южноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба);

1945–1979 гг. – коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Вьетнам и другие развивающиеся страны);

1950–1970 гг. – антиколониальные революции, движимые национализмом;

1952–1969 гг. – арабские националистические революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке;

1968 г. – волна молодежных протестов;

1979–1989 гг. – исламские революции (Иран, Судан, Афганистан);

1989–1991 гг. – антикоммунистические революции (страны Восточной Европы и СССР);

2000–2009 гг. – «цветные революции» (Сербия, Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран);

2011 г. – Арабская весна;

2011–2012 гг. – движение «Оккупай» (США, Испания, Канада, Израиль, Португалия, Греция, Австралия, Великобритания) и «болотные» протесты (Россия);

2013–2014 гг. – восстания против гибридных режимов (волна «Центрального коллапса», Таиланд, Украина, Босния, Венесуэла, Турция, Тунис, Египет).

Детальное рассмотрение заключенных в эти волны феноменов, а также демаркация границ самих волн является предметом настоящей работы. Следует сразу оговориться, что исследователи объединяют революционные события в волны, зачастую перемешивая все три вида причинной зависимости. Так, например, волна № 14 (первая красная волна) из вышеприведенного списка включает в себя как революцию 1905 г. в России, так и революцию в Мексике (с 1910 г.), а также Синьхайскую – в Китае (1911 г.), идейная и тем более «цепная» зависимости между которыми далеко не очевидны. С другой стороны, волны № 19 и 20 выделяются как отдельные, хотя как раз все три причинных механизма, подтолкнувших события в той и другой, можно считать общими. Такие разночтения требуют упорядочивающей работы, направленной на различение и анализ причин, на базе которых выделяются революционные волны.

Прежде всего обратимся к тем причинам революций, которые выше названы «общими» или «структурными». Здесь большой разброс представлений по поводу того, какие явления следует учитывать. Например, Тридцатилетняя война – признанная «платформа» для протестной активности первой трети XVII в., а общеевропейский экономический кризис – столь же признанная «платформа» для волны 1848–1849 гг. В то же время структурные причины ре-

волюции 1848 г. во Франции, революции 1905 г. в России и революции 1911 г. в Китае тоже можно считать едиными: во всех трех случаях действовали долговременные модернизационные процессы, связанные с распадом сословной структуры и расширением политического участия в обществах (Skocpol 1979). Здесь сразу видно, что на самом деле следует выделять как минимум экзоструктурные (внешние по отношению к обществу) и эндоструктурные (присущие обществу в силу этапа и особенностей развития) связи внутри отдельной волны.

Под экзоструктурной зависимостью имеется в виду какой-либо внешний процесс, вызывающий утрату стабильности сразу во множестве стран. Процессы такого рода описываются основными макросоциологическими подходами (моделью смены технологических укладов в рамках теории модернизации, миросистемным анализом, геополитическими моделями, моделью «военной революции» и т. п.). Как правило, речь идет о циклической динамике: циклы накопления капитала и циклы смены гегемона в мир-экономике; циклы смены технологических укладов (и связанные с ними оживления, бумы, кризисы); этапы «военной революции», прослеживаемые для крупных стран позднего Средневековья и раннего Нового времени (Нефедов 2008, гл. 1). Такие циклы могут быть весьма протяженными во времени (могут занимать до сотни лет и более). Для проблематики «революционных волн» важны отдельные такты цикла, которые в пределах одного-двух десятилетий с необходимостью запускают события сразу в нескольких странах.

В рамках экзоструктурной зависимости речь может идти о диффузии образцов, возникновении геополитических вызовов или усилении геоэкономической конкуренции. Например, первый этап «военной революции» в начале XVI в. (с появлением итальянских крепостей, турецкой и испанской тактических школ) вместе с быстрой диффузией военной техники и организационных новинок резко увеличил требование к чисто финансовой платежеспособности воюющих политий (теперь большая часть войск состояла из наемников – выходцев из неблагородных сословий) (Мак-Нил 2008: 85–123). Это означало в целом одинаковые требования, которые предъявляли обстоятельства как к «пороховым империям» (Турецкой, Испанской, Священной Римской), так и к государствам

поскромнее. Общая логика экзоструктурной зависимости для первого этапа «военной революции» такова: распространение тактико-технических новинок – становление «пороховых империй» – борьба сословий в защиту вольностей и привилегий против роста повинностей и налогов. Для фазы хозяйственного упадка экономического цикла последовательность такова: затоваривание рынков – безработица и невыполнение нормы прибыли – борьба заинтересованных групп за расширение политического участия.

Эндоструктурная связь предполагает выделение типологически сходных процессов, характерных для целого ряда стран. Например, модернизацию обществ в ее социальном и политическом аспектах (процесс демократизации, который включает установление парламентских режимов революционным путем). В рамках формационного подхода для настоящей темы важно представление о закономерном переходе от поздней феодальной раздробленности к абсолютизму. Мальтузианский структурно-демографический цикл «сжатия/роста» также описывает протекающие по общим законам интрасоциетальные процессы (Нефедов 2005, гл. 1). Асинхрония случаев социальной нестабильности в разных обществах на базе данного вида зависимости может достигать сотни лет и более. Причинные механизмы этой зависимости могут рассматриваться как «черный ящик», как своего рода законы природы. В таком виде они непригодны для использования при объяснении «революционных волн». В то же время, если эти механизмы переформулировать в экзоструктурной логике (то есть если зависимость от случая к случаю мы в силах проследить), их можно использовать.

Зачастую среди основных факторов революции в сфере внимания неизменно оказывается напряжение государственных структур, имеющее экономический и/или внешнеполитический характер. Под первым в самом общем смысле имеется в виду рост расходов (сокращение доходов) государства, под вторым – военное соревнование государств (Beck 2017). Представляется, что для рассматриваемого периода можно провести синтез этих факторов, имевших преимущественно экзогенный характер. Например, концепция установления абсолютизма с кризисом баронских владений и городских вольностей естественным образом соединяется с концепцией «военной революции», где военная, административная, соци-

альная и политическая трансформации происходят не из внутренних имманентных оснований, а в попытке угнаться за лидером, сохранить приемлемый уровень политического могущества и контроля в условиях обостряющейся военной борьбы. Проще говоря, при исследовании революционных волн следует учитывать только такие аспекты структурной зависимости, в которых будет совмещаться единство «эндо» и «экзо».

Идейную форму зависимости следует все-таки отделять от зависимости организационной. Идейная зависимость («прочитали книжку и воспламенились») предполагает заимствование декларируемых целей, идеологии и риторики. При таком раскладе несовпадение случаев по времени может достигать сотни и более лет (так, лозунги Французской революции «Мир хижинам – война дворцам!», «Свобода, равенство, братство!» использовались в русских революциях спустя почти 130 лет).

Организационная зависимость предполагает заимствование организационных образцов более ранней революции (своего рода политико-административное подражательство). Заимствование связано с тем, например, на какие институты опираются революционные силы (центральные и местные формы сословных представительств, парламент, тайные общества, партии, общины и т. п.), каков их алгоритм действий (клятва членов парламента, воззвания, банкетные кампании для сбора подписей, заговоры в военной среде, способы внутрипартийной и межпартийной борьбы и т. п.). Такая зависимость может прослеживаться в пределах нескольких лет, если только речь не идет о двух последовательных революциях (восстаниях, мятежах) в одной и той же стране – в этом случае зависимость может прослеживаться на протяжении десятилетий (пока живы свидетели и организаторы).

Наконец, цепная зависимость (принцип домино) предполагает воодушевление от успеха близкой по времени, близкой идейно и структурно революции. Кроме критерия времени данный вид связи, похоже, не имеет других отличий от рассмотренных выше типов зависимости. По здравому рассуждению, если между двумя событиями удастся обнаружить экзоструктурную, идейную и организационную зависимость, можно считать, что обнаружена и цепная. В сложных случаях малый временной лаг между событиями и их

пространственная близость на экзоструктурной связи также может на это указывать.

Рассмотренные виды связей теперь нужно использовать для выявления революционных волн на эмпирическом материале истории европейской ойкумены, а затем и мировой истории.

Для удобства исследования рассмотрение и анализ указанной «генеральной совокупности» случаев революционных волн следует разбить на фрагменты. Охват настоящей работы ограничится периодом от начала XVI в. до пугачевского восстания – последнего казацко-крестьянского мятежа Европы. Такое разграничение выбрано потому, что главный обрамляющий структурный процесс «становление абсолютизма» заканчивается в 70-х гг. XVIII в. С волны, запускаемой Войной за независимость США, начинается другая логика охватывающего порядка – «кризис абсолютизма».

Типы **структурной зависимости** для раннего Нового времени так или иначе связаны с процессом возникновения абсолютистских режимов, которые усиливают вооруженные силы и фискальный пресс, но опираются при этом на институты и практики феодального способа построения общества¹. Это вызывает конфликт по четырем линиям:

1) мобилизация знати, то есть сообществ аристократии, в борьбе за сохранение привилегированного положения (здесь: аристократические мятежи наподобие французской Фронды, рокоши шляхты или восстания венгерских куруцев);

2) мобилизация земледельческого населения, то есть, как правило, крестьянских общин, которые сопротивляются усилению прессы податей и повинностей (здесь: крестьянские восстания и войны);

¹ В версии К. Бека существует категория «ломких режимов» (то есть особо уязвимых для революции): патримониальных и персоналистских. Во-первых, в их логике величина ресурсов (и ресурсная динамика) государства особенно жестко связана с лояльностью элит. Во-вторых, это режимы, которые имеют «ограниченную вместимость по претендентам»: они исключают, а не поглощают потенциальных противников. В результате такие режимы плодят отступничество и ереси (либо республиканское движение) среди элит. «Ломкими режимами» можно считать также империи, побочным следствием экспансии которых становится увеличение автономии периферийных субъектов (Beck 2017). В рассматриваемый период практически все политические субъекты оказываются в категории «ломких», причем к имперским автономиям добавляются особые автономии периода «военной революции», которая была невозможна без широкого использования иррегулярных автономных и полуавтономных воинских контингентов.

3) мобилизация бюргеров, то есть городских торговых слоев, которые составляют верхушку вольного города, тяготеют к республиканским политическим формам и сопротивляются усилению налогового пресса, стремясь оградить от него свои доходы (здесь: городские повстанцы-протестанты европейских религиозных войн и революций рассматриваемого периода);

4) мобилизация представителей низов служилых сословий, а также разного рода ситуативных участников военных действий, которые «ищут службы» в условиях частичной или полной демобилизации (здесь: от стрельцов и казаков – до «солдатских конфедераций», мародеров и лисовчиков).

Эти главные источники повстанческой активности обществ рассматриваемого периода могли быть этнически или конфессионально окрашены, однако хорошо прослеживаются на исследуемом материале. Бывает, что одна из линий при успехе революционной активности запускает другую линию. Например, идя на уступки аристократам, правительство принимает решение о прикреплении крестьян к земле или к аристократическим родам – и получает вспышку уже крестьянских мятежей.

Легко видеть, что процесс утверждения абсолютизма переключается с моделью «военной революции», структурно-демографическими процессами мальтузианской динамики (перепроизводством элит и претендентов в элиты, «сжатием» для производящего населения), а также миросистемными процессами (циклом накопления капитала и циклом смены гегемона). Однако, на первый взгляд, использование моделей столь глобального масштаба приведет просто к тому, что все восстания и мятежи периода можно признать связанными единой структурной зависимостью. Например, потому что процесс перехода от сеньориальной монархии к абсолютной – это общее явление периода.

Чтобы структурная зависимость обрела эвристический потенциал, следует подробнее остановиться на двух основных экзоструктурных компонентах: «военной революции» и «мир-экономике».

В рамках «военной революции» выделяют два этапа. **Первый этап** приходится на XVI в., его начало исследователи обычно относят к Итальянским войнам, когда появляются сложные и дорогие

итальянские крепости, способные противостоять артиллерии и минным подкопам, а на поле доминирует испанская тактика (пикинеры + мушкетеры + рейтары). В политическом плане это означает, что брать и защищать такие крепости теперь способны только сильнейшие из сеньориальных монархий (вольности баронов уходят в прошлое), а в социальном плане войны становятся уделом наемных солдат и матросов из неблагородных сословий (начинается кризис рыцарства) (Black 2003). Однако некоторые исследователи утверждают, что на этом этапе Европа не была монополистом образцов для «военной революции». В Османской империи к XVI в. создается турецкая тактика, когда на поле боя господствуют полурегулярная огнестрельная пехота (янычары) и многочисленная поместная конница (тимариоты, спахи), а взятию крепости турки предпочитают разорение ее окрестностей иррегулярной легкой конницей (татары, казаки). В политическом плане это означает подчинение султаном местной землевладельческой элиты (вотчинные владения превращаются в поместья), а в социальном плане турецкие войска базируются не на краткосрочном подрядном наемничестве, а на полурегулярных формированиях, в которых не происходит размывания благородного военного сословия (но при этом султан играет на противоречиях между поместными тимариотами и казенными янычарами) (Петросян 2003).

На **втором этапе** «военной революции» также выделяют две значимые организационные формы. В Голландии к началу XVII в. появляется знаменитая линейная тактика Морица Оранского (регулярная вымуштрованная скорострельная пехота наемников на суше и команды наемных матросов на море), а также практика систематической артиллерийской бомбардировки крепостей. В социальном плане это продолжает тенденцию ослабления сословия военных землевладельцев, а в политическом – выводит требования хозяйственной прибыльности на первый план по сравнению с требованием политической централизации общества. В то же время во второй половине XVII в. появляется альтернатива, связываемая с реформами шведского монарха Густава II Адольфа и французского первого министра Ж.-Б. Кольбера: регулярная массовая пехота, поддерживаемая легкой полевой артиллерией. В политическом плане система рекрутской повинности, финансируемая из казны,

приводит к окончательной ликвидации мелких политических автономий (княжеств, графств и т. п.), а в социальном плане ликвидирует краткосрочное подрядное наемничество, но приводит к раздуванию имперского аппарата фискальных чиновников, заинтересованных в дальнейшей политической централизации общества (Roberts 1979).

В рамках миросистемного анализа рассматриваемый период – это время превращения европейской мир-экономики в мировой обрамляющий порядок. Мир-экономика – это единая экономическая система зависимости множества политических центров. В пространственном аспекте выделяют центр-периферийную структуру мир-экономики: ядро ее участников обладает наивысшей прибыльностью обменных практик и наивысшей товарностью хозяйства, а периферия и полупериферия – сниженной экономической доходностью и преобладанием натуральных способов ведения хозяйства над товарным (Валлерстайн 2006: 85–95). В хронологическом аспекте выделяют цикл накопления капитала, в котором пиками являются мир-экономические гегемонии тех участников, которым удалось достичь финансовой монополии. Для рассматриваемого периода финансовая монополизация представлена «генуэзской эпохой» (1557–1627 гг.) и «голландской эпохой» (1741–1784 гг.) (Арриги 2006: 161–217). Оба периода коррелируют с распространением образцов первого и второго этапов «военной революции», с пиками политических и социальных результатов военных реформ внутри крупнейших политических центров. В соответствии с моделью Дж. Арриги образование финансовых монополий связано с сектором «высоких финансов», то есть с возникновением сектора сверхприбыльного кредитования крупнейших империй, ведущих долговременные военные действия массовыми полурегулярными и регулярными вооруженными силами.

Таким образом, для рассматриваемого исторического периода важно, что становление абсолютизма в XVI – первой половине XVII в. идет скорее по испанскому (как в Италии, во Франции и в Священной Римской империи) или, скорее, по турецкому варианту (как в Московии или Речи Посполитой²). Такой разницей связан

² Для Речи Посполитой XVI в. характерен скорее промежуточный вариант «военной революции»: конница – это благородное военное сословие шляхта (наподобие турецких тимаров).

с тем, что испанский вариант совместим с мир-экономическим ядром (зонами высокой хозяйственной доходности), а турецкий вариант (с сохранением сектора служилого нетоварного землевладения) – с полупериферией, то есть зонами низкой хозяйственной доходности. Соответственно, в первом случае источник протестной активности революционной волны – это восстания торговцев-бюргеров и наемников-солдат, а во втором – восстания знати и крестьян, а также «полунаемников»-казаков.

В свою очередь, становление регулярного государства во второй половине XVII – первой половине XVIII в. идет либо по версии Морица Оранского (по голландскому сценарию с ограничением монархии, как в Англии), либо по версии Густава II Адольфа (по шведскому сценарию с бюрократизированным абсолютизмом, как во Франции или Российской империи). Социальные силы – инициаторы протестной активности меняются. Теперь в первом случае это знатные сторонники абсолютистско-бюрократической альтернативы (как якобиты в парламентской Англии), а во втором – знатные сторонники парламентской альтернативы (как участники восточно-европейских рокошей, русских дворянских мятежей «бунташного века» и даже «кондиции верховников» Анны Иоанновны), а также представители иррегулярных военных формирований в борьбе за положение регулярного найма, отмену повинностей или сохранение привилегий (например, посессионные крестьяне, казаки, стрельцы, янычары). Сами же внутренние мотивы протестной активности во всех случаях описываются и объясняются моделями аграрного перенаселения Т. Мальтуса и перепроизводства элит Ибн Халдуна, соединенными в структурно-демографической теории Дж. Голдстоуна, П. В. Турчина и С. А. Нефедова (Турчин 2007; Нефедов 2005; Goldstone 1991).

Варианты **идейной зависимости** для раннего Нового времени включают в себя распространение как религиозных систем, так

риотов), но нет массовой «казенной» пехоты наподобие янычаров, которые создавали бы противовес шляхетскому ополчению. Вместо этого практикуется использование иррегулярных наемников (казаков или лисовчиков). В результате король испытывает давление шляхетского Сейма, а казаки ведут протестные войны за то, чтобы либо обрести привилегии наподобие шляхетских, либо добиться казенного довольствия от короля (или султана, или царя), в том и другом случае необходимое условие – достижение политической автономии гетманской верхушки казачества.

и политических проектов. «Борьба за веру» предполагала политический компонент. Политические проекты могли включать требования: «республику, как в Голландии», «золотую вольность, как в Речи Посполитой», или призывы к разного рода территориально-политическому обособлению, как правило, на базе уже существующих аристократических или иррегулярно-воинских структур.

Организационная зависимость в данный период сводится к практикам сословной или территориальной мобилизации, транслируемой по каналам религиозных общин и институтов воинской самоорганизации. Носители религиозного радикализма или фундаментализма могли хранить память о практиках организации протестных действий (как, например, русские староверы или венгерские протестанты).

Цепная зависимость в явном виде – редкое явление для случаев утраты стабильности обществ раннего Нового времени в силу неразвитости каналов коммуникации вне пределов традиционных локальных структур и институтов. Помимо этого, дошедшие до нас источники довольно скудны, и зачастую сложно составить какое-то мнение о влиянии на рассматриваемое событие известий (да и были ли они – и какого рода?) об успехах восстания в какой-то другой стране.

Итак, крупнейшие восстания Нового времени до Реформации и в период ранней Реформации демонстрируют именно структурную зависимость обоих видов. Уже в первые десятилетия XVI в. прослеживается результат стремления копировать итальянскую/испанскую модель «военной революции». Создание «крестьянской республики» в Дании (1500 г.) стало протестной реакцией на притязания землевладельческой аристократии на доходы крестьян (в условиях мощного импульса для хозяйства региона со стороны Ганзейской торговой сети). К этому варианту структурной зависимости относится и восстание комунерос в самой Испании (1520–1522 гг.), где были давние традиции городского самоуправления (Сказкин и др. 1977).

Реакция на турецкую модель становления абсолютизма – это восстание Дьердя Дожи в Венгрии, начатое как крестовый поход сборным ополчением мелкопоместной аристократии и городских низов королевства против турок (1514 г.). Сюда же относится вос-

стане Шахулу в самой Турции (1511 г.), первоначально также имевшее религиозную окраску (это был шиитский бунт, подстрекаемый Персией), но затем обросшее сторонниками из среды крестьян-суннитов и низов османского служилого сословия – тимариотов, и превратившееся в типичное антиабсолютистское восстание того времени. В этом же ключе – словенское крестьянское восстание в Габсбургской империи (1515 г.), где прослеживается структурная причина: увеличение налогового гнета крестьян вследствие поползновений центральной власти к абсолютизму в условиях преимущественно натурального хозяйства и продолжающейся масштабной войны с Османской империей. Сюда же относятся начавшиеся легальные бунты-рокоши в Польском королевстве (с 1531 г.).

Начавшаяся в 1520-е гг. Реформация дает исследователю возможность уверенно идентифицировать идейную и организационную зависимость протестной активности в разных обществах. Понятно, что рыцарское и бюргерское движение лютеран и лютеранско-крестьянская война в германских землях первой половины 20-х гг. XVI в. подтолкнули к религиозной войне и стали ее идейным образцом в Швейцарии (1529–1531 гг.), что затем, спустя более чем десятилетие, идейно вдохновило протестантов, затеявших религиозные войны против Священной Римской империи. При этом структурная зависимость между, например, Гентским восстанием (1539–1540 гг.) и первой Шмалькальденской войной (1546–1547 гг.) никуда не делась и по-прежнему та же: мятеж городских бюргерских сословий против абсолютистского налогового-финансового прессы.

Далее (до начала XVII в.) схема протестной активности распадается на ряд случаев в сельских обществах, объединенных структурной зависимостью турецкого сценария, а также ряд случаев в обществах развитой городской культуры – объединенных (помимо испанского сценария) также отчетливыми идейными и организационными связями. К первому варианту относятся крупнейшие восстания крестьян, иррегулярных комбатантов и служилых низов рубежа веков: казацко-крестьянская война Наливайко в Речи Посполитой и восстание крестьян и мелких тимариотов под предводительством Кара-Языджи в Турции. Ко второму варианту следует

отнести восемь гугенотских войн во Франции и революцию в Голландии.

Долговременное воздействие последних на дальнейшую революционную активность в ойкумене трудно переоценить именно в силу наличия идейного содержимого, которое транслировалось через годы и десятилетия путем протестантской организационной диффузии. Идейным результатом данных событий следует считать и Английскую революцию, и Фронду во Франции, и более раннее Богемское восстание в Австрийской империи, и венгерские восстания 1671–1711 гг., имевшие выраженный протестантский компонент, а также Славную революцию в Англии (1688–1689 гг.) и даже якобинские восстания первой половины XVIII в.

Однако в первые годы XVII в. появляется новая тенденция: возникновение в Речи Посполитой «солдатских конфедераций» (своего рода республик для отставного и полурегулярного военного/наемнического люда)³. Этот новый социальный элемент хоть и не являлся носителем идей универсалистского характера наподобие протестантизма, зато был в высокой степени подвижным и удобным агентом для трансляции лозунгов, образцов и практик. Благодаря диффузии идей военно-сословного политического представительства (права шляхты на рокош и права лисовчиков требовать себе службу) традиционные уже крестьянские войны вышли на новый уровень в плане политической организации, фактически став вровень с существующими государственными политическими структурами соответствующих обществ. Диффузия идей Сандомирского рокоша («Войны чернильниц») сделала крестьянскую войну в России «Смутой» (и позволила пересобрать государство на началах военно-сословного представительства). Казацкие войны в Польше, идущие с перерывами с 1620-х по 1680-е гг., неоднократно вызывали не только структурную, но и идейно-организационную реакцию в соседней России (агентами-переносчиками были беспокойные казаки/бродники/черкасы/лисовчики).

³ «Солдатские республики» в Западной и Центральной Европе структурно аналогичны казацким центрам на периферии Османской империи. К концу XVI в. войны, которые идут между абсолютистскими режимами, ведутся в значительной степени руками наемных воинов, которые в условиях иррегулярности содержания войск тяготеют к созданию разного рода политических автономий. Причем неважно, наземное это было наемничество или морское. Запорожская Сечь и Береговое братство Карибского моря (Тринидад, Эспаньол, Тортуга), Либертация на Мадагаскаре или республика Сале типологически весьма сходны.

Применительно к истории России следует выделить появление феномена идейной и организационной трансляции, той специфической структуры, которой стал сплав казачества и старообрядчества. Этот момент относится к началу 1670-х гг., между разинским и Соловецким восстаниями. Восстание Степана Разина, как и предшествующее восстание Уса, было типологически сходно с казацкими войнами в Польше: казаки требовали включить их в привилегированное служилое сословие. После Соловецкого бунта раскольники стали носителями идеи несправедности государственной власти (с опорой на религиозный авторитет), а казаки стали распространителями этой идеи. И в первом, и во втором стрелецком бунте, и в Астраханском восстании, и даже в позднейшем пугачевском бунте был так или иначе представлен старообрядческий религиозный дискурс либо структурно-организационный компонент.

В XVIII в., с завершением строительства регулярных абсолютистских государств, протестная активность на базе сословных аристократических институтов, земледельческих и религиозных общин, а также разного рода «военных республик» идет на спад. Стрелецкие бунты, Астраханское восстание и пугачевский бунт в России типологически сходны с восстанием Патрона Халила в Турции и восстаниями гайдамаков в Польше: иррегулярные войсковые формирования, оказавшись в новых условиях в маргинальном положении, предпринимают отчаянные попытки силой вернуть свое положение либо совсем сломать существующую систему отношений в обществе.

Таким образом, в рамках рассмотренного периода следует выделить четыре длинных структурных волны протестной активности, связанные с внешними вызовами военно-организационного характера и реакцией на них обществ мир-экономического характера:

1) Первый этап «военной революции» по турецкому сценарию (1510–1655 гг.): восстание Шахкулу (Турция); восстание Дьердя Дожи (Венгрия); Словенское крестьянское восстание; восстание джелали (Турция); «петушиная война» (Польша); восстание Матия Губеца (Хорватия); Банатское восстание (Сербия); восстание Наливайко (Польша); восстание Кара-Языджи (Турция); Смута и казацко-крестьянская война (Россия); «солдатская конфедерация»

(Польша); Сандомирский рокош (Польша); казацкие войны (Польша); казацко-крестьянская война (Польша).

2) Первый этап «военной революции» по испанскому сценарию (1520–1596 гг.): восстание комунерос (Испания); бюргерское восстание лютеран (Германия); протестантская крестьянская война (Германия); религиозные войны в Швейцарии; Гентское восстание (Фландрия); Восстание сословий (Чехия); первая и вторая Шмалькальденские войны (Германия); восемь гугенотских войн (Франция); революция в Голландии; Дубинная война (Финляндия).

3) Второй этап «военной революции» по голландскому образцу (1615–1745 гг.): Богемское восстание (Австрия); девятая гугенотская война (Франция); Португальская война за независимость; Английская революция; Фронда (Франция); Славная революция (Англия); Первое и Второе восстания якобитов (Англия).

4) Второй этап «военной революции» по шведскому образцу (1647–1773 гг.): Соляной бунт (Россия); Руина (Польша); Хлебный бунт (Россия); Медный бунт (Россия); восстание Уса (Россия); Соловецкое восстание (Россия); восстание Разина (Россия); Восстание гербовой бумаги (Франция); восстание куруцев (Венгрия); восстание Тёкёли (Венгрия); Хованщина (Россия); Стрелецкий бунт (Россия); восстание Ракоци (Венгрия); Астраханское восстание и восстание Булавина (Россия); восстание Патрона Халила (Турция); четыре восстания гайдамаков (Польша); восстание Пугачева (Россия).

Кроме этого, просматривается свыше десятка коротких «революционных волн», в которых либо соблюдается короткая временная последовательность на фоне политико-географической близости, либо совмещаются структурная, идейная и организационная связи⁴, то есть выполняется «домино-динамика»:

1) восстание Шахкулу (Турция); восстание Дьердя Дожи (Венгрия); Словенское крестьянское восстание; восстание джелали (Турция);

2) бюргерское восстание лютеран (Германия); протестантская крестьянская война (Германия); религиозные войны в Швейцарии;

3) Гентское восстание (Фландрия); Восстание сословий (Чехия); первая и вторая Шмалькальденские войны (Германия);

⁴ Случаи такого совпадения выделены в тексте подчеркиванием.

- 4) восемь гугенотских войн (Франция); революция в Голландии;
- 5) Банатское восстание (Сербия); восстание Наливайко (Польша); восстание Кара-Языджи (Турция); Смута и казацко-крестьянская война (Россия); «солдатская конфедерация» (Польша); Сандомирский рокош (Польша);
- 6) Богемское восстание (Австрия); «девятая гугенотская война» (Франция);
- 7) Португальская война за независимость; Английская революция; Фронда (Франция);
- 8) казацко-крестьянская война (Польша); Соляной бунт (Россия);
- 9) Руина (Польша); «Хлебный бунт» (Россия); Медный бунт (Россия); восстание Уса (Россия); Соловецкое восстание (Россия); восстание Разина (Россия); восстание Тёкёли (Венгрия); Хованщина (Россия);
- 10) Стрелецкий бунт (Россия); восстание Ракоци (Венгрия); Астраханское восстание и восстание Булавина (Россия);
- 11) восстание Патрона Халила (Турция); первое восстание гайдамаков (Польша).

Библиография

- Арриги Дж. 2006.** *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени.* М.: Территория будущего.
- Валлерстайн И. 2006.** *Миросистемный анализ. Введение.* М.: Территория будущего.
- Голдстоун Дж. 2006.** К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5: 58–103.
- Мак-Нил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.: Территория будущего.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса.* М.: Территория будущего.
- Петросян Ю. А. 2003.** *Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки.* М.: Эксмо.

- Сказкин С. Д. и др. 1977.** *История средних веков: учебник: в 2 т. Т. 2.* М.: Высшая школа.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика: на пути к теоретической истории.* М.: УРСС.
- Цирель С. В. 2011.** Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры. *Ойкумена.* Вып. 8 / Науч. ред., сост. А. А. Фисун. Харьков. С. 174–209.
- Beck C. J. 2017.** Revolutions: Robust Findings, Persistent Problems, and Promising Frontiers. *States and Peoples in Conflict: Transformations of Conflict Studies* / Ed. by M. Stohl, M. Lichbach, P. Grabosky. New York, NY: Routledge.
- Black J. 2003.** European Warfare 1494–1660 and the Military Revolution. *History Review* 45: 47–52.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Roberts M. 1979.** *The Swedish Imperial Experience 1560–1718.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China.* New York; Cambridge: Cambridge University Press.